

УДК 71.05
ББК 83.3

Людмила Васильевна Камедина,
доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

Культурное двоемирие забайкальского поэта Вячеслава Вьюнова

Статья представляет первую попытку культурологического осмысления творчества забайкальского поэта Вячеслава Александровича Вьюнова. Поэт отнесён к культурному явлению, названному «чистым искусством». Появление подобного культурного типа связано с периодами «усталости» от общественно-политических мятежей, выступлений, деклараций и сознательной смены эстетической программы творчества. Культурный мир поэта наполняется образами красоты, знаками «безмолвия», отражёнными картинами бытия-иномира, неба-земли, внутреннего-внешнего. Десятые годы XXI в. становятся наиболее плодотворными для появления поэтов «чистого искусства». Начало было положено Ф. Тютчевым и А. Фетом, продолжением стали поэтические миры Серебряного века, и возрождение наступает сейчас. Культурный тип человека и поэта Вьюнова соотносится с культурным типом русского поэта и богатого помещика-коннозаводчика Фета. Обе фигуры в отношении к жизни и поэзии амбивалентны. Оба с интересом рассуждают о ведении сельского хозяйства и с таким же интересом говорят о тонких эстетических материях. Для современников – это загадочные фигуры, жизнь и творчество которых мыслятся отдельно и кажутся несовместимыми. Культурно-поэтический мир В. Вьюнова раскрыт на фоне медленно текучего русского бытия со всеми его культурными знаками. Лирика Вьюнова философична, закодирована в символы, метафоры, образы. Духовные смыслы её репрезентируются из русской классической поэзии и актуализируются для «своего» читателя. В культурном мире забайкальского поэта возрождаются и сохраняются традиционные ценности народа, которые эстетизируются в его сознании и передаются читателю в образах Красоты, Добра и Истины. Культурное двоемирие Вьюнова комфортно сосуществует в грубом крестьянском труде и тонком лиризме поэтического вдохновения. Подобная амбивалентность – парадоксальный знак нового культурного явления.

Ключевые слова: культурный тип, двоемирие, амбивалентность, парадоксальность, поэзия «чистого искусства».

Lyudmila Vasilievna Kamedina,
Doctor of Culturology, Professor,
Transbaikal State University
(ul. Aleksandro-Zavodskaya 30, Chita, 672039 Russia),
e-mail: kamedina_ludmila@mail.ru

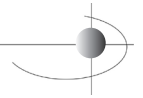
Cultural Dualism of Transbaikal Poet Vyacheslav V'yunov

The article is the first attempt to understand the art of Transbaikal poet Vyacheslav V'yunov from culturological point of view. The poet is referred to the cultural phenomenon called "pure art". The emergence of such a cultural type is associated with periods of "fatigue" from the public-political riots, speeches, declarations and conscious change in aesthetic programme of creative work. The poet's cultural world is filled with cultural images of beauty, signs of "silence", reflected pictures of the sky-earth, the internal-external. The 2010s are the most fruitful for appearing the poets of "pure art". The foundation was laid by F. Tyutchev and A. Fet, the poetic worlds of the Silver Age followed, and the revival is happening now. A cultural type of the man and poet V'yunov relates to a cultural type of the Russian poet and a wealthy landowner Fet. Both figures in regards to life and poetry are ambivalent. Both talk about the agriculture with interest and with the same interest they talk about aesthetic matters. They are mysterious figures for contemporaries, their life and work are considered separately and seem to be incompatible. V. V'yunov's cultural and poetic world is revealed against the background of slowly flowing Russian life with all its cultural signs. V'yunov's lyrics is philosophical, it is encoded in symbols, metaphors, images. Its spiritual meanings are represented from the Russian classical poetry and are actualized for "its" reader. The traditional values of people are preserved and revived in cultural world of the poet. They aestheticize in their mind and transmitted to the reader in images of Beauty, Goodness, and Truth. V'yunov's cultural dualism comfortably coexists in rough peasant labor and subtle lyricism of poetic inspiration. Such ambivalence is a paradoxical sign of a new cultural phenomenon.

Keywords: cultural type, dualism, ambivalence, paradoxicality, poetry of "pure art".

Культурное двоемирие – это сосуществование двух парадоксальных культурных миров в одной творческой личности или это

культурный сдвиг в область нового творчества, которое вызревает в духовном мире творца-поэта? Актуализируется культурно-

логическая проблема, которая должна разрешить и объяснить появление нового культурного типа. В задачи культурологии входит распознавание появившегося типа культурного творца, объяснение его амбивалентного существования в социокультурной динамике современного мира, поиск источника в русской культурной истории.

Культура, по мнению Э. Курциуса, на всём своём протяжении повторяет стили, формы, образы, мотивы, трансформируясь во времени и пространстве, попадая в меняющиеся эстетические системы [5]. Например, в современной культуре нарастает масса поэтов, уходящих от общественно-политической жизни, «исчезающих» в деревнях, усадьбах и пишущих «для своих». В русской культурной истории подобное уже было. Так, во второй половине XIX в. после «громкоговорящих» учителей русского народа, как они себя называли, в качестве примера можно привести Н. А. Некрасова и его идеологических соратников, неожиданно появляются поэты «чистого искусства» Ф. Тютчев, А. Фет, Я. Полонский и др., которые в культурной жизни замыкаются только на поэзии, воспевающей Красоту божественного мира. Они сознательно уходят от общественно-политической жизни, не вступают ни в какие литературные течения, группировки, не проповедают никаких идей, кроме идеи Красоты. Тютчев и Фет явились предтечами следующего мощного культурного потока, названного Серебряным веком. Что происходит сейчас? После «лихих 90-х» с бурными политическими дебатами, новыми общественными идеями по переустройству мира наступила «усталость». Культура устала от мятежа, она переходит в другую форму существования. Нарождаются поэты, которые, подобно Фету, «уходят в молчание». Тютчевское «*silentium*» становится культурным знаком поэтов новой волны.

В качестве примера можно обратиться к жизни и творчеству забайкальского поэта Вячеслава Вьюнова. Вьюнов – поэт, прозаик, критик. Он удалился от городов, живёт в маленькой деревне Тасей Забайкальского края на берегу озера. Вячеслав Вьюнов – рачительный землевладелец, хозяин земли, агроном, эконо и животновод. Если бы культурная картина его мира относилась к XIX в., то можно было бы добавить «и помещик». Там, на Тасее, вдали от культурного «городского базара», в тишине и на безлюдье рождаются стихи тонкого эстетического вкуса, изящной художественности, изысканной метафоры, с особым видением Божьего мира. Деятнадцатый век упомянут не случайно, потому что

ещё один рачительный хозяин, землевладелец трёх губерний, коннозаводчик, агроном, эконо и богатый помещик Орловской губернии сочинял лирику тончайшего вкуса, с воздушными, невесомыми художественными образами, поражающую современников мелодичной звукописью, запахами-ароматами благоуханных садов, отражёнными в водах прелестными пейзажами. Этого грубого русского (немецкого еврея по происхождению) скупого помещика и тончайшего эстета зовут Афанасий Фет. Друг и ценитель поэзии Фета Лев Николаевич Толстой как-то заметил, что присланное ему новое стихотворение так хорошо, с таким «философски поэтическим характером... Прекрасно, что это говорят звёзды», но также хорошо и то, «что на том же листке, на котором написано это стихотворение, излиты чувства скорби о том, что керосин стал стоить 12 к. Это побочный, но верный признак поэта» [8, с. 792]. Толстой подчеркнул двойную природу Фета поэта и человека. Современники не переставали удивляться, язвить и сочинять анекдоты по поводу несочетаемости утончённого поэтического лиризма и грубой хозяйственной натуры коннозаводчика Фета. В ноябре 2015 г. исполнилось 195 лет со дня рождения русского поэта, и литературовед В. Н. Турбин, актуализировав значение Фета для русской культуры и обозначив его место в общекультурном процессе как единственное, уникальное, никем не занятое, вопрошает «так где же вы, Феты конца XX века?» [3, с. 365]. Данная статья – ответ В. Н. Турбину. Перефразируя слова В. Белинского, можно сказать – «новый Фет родился».

Рождение поэтического мира В. Вьюнова приходится на 1970-е гг., а рождение последнего поэтического сборника – на 2012 г. [6]. Сборник назван «Вечерний свет». Хотелось бы заметить, что последний сборник А. Фета назван «Вечерние огни». Даже тут, в воспроизведении культурной картины мира они совпадают. Правда, у Фета – это было последнее после долгого молчания поэтическое высказывание. У Вячеслава Александровича всё ещё впереди. Читатель ждёт от него новых стихов.

Актуальность обращения читателя к поэзии такого рода означает поворот к иной культурной картине бытия. Да и отношение к появлению такого рода поэтов означает мировоззренческую перемену в культурном социуме. Устав от культурного хаоса, личность погружается в лирическую тишину. Мелькание, пестрота, игра светотенью, музыкальный шум, длинноты словословий постепенно уxo-

дят из культурной жизни. Ритмы замедляются, появляется время для обдумывания ценностей жизни, время различения добра и зла, время вопросов и ответов. В эту новую культурную картину мира пришёл новый человек, ищущий свет во тьме, разгадывающий загадку бытия, задумывающийся над смыслом своей жизни. Именно этому новому культурному типу русской жизни стала необходима поэзия Вячеслава Вьюнова и именно такому читателю стал понятен Вьюнов-человек.

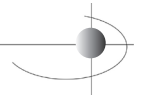
Русская культура после нарисованных романтиками картин инобытия всегда разделяла мир земной, грубый, материальный и мир небесный, тонкий, духовный. Эти миры в русской культуре различались как добро и зло. Сейчас появляется культурный тип личности, который амбивалентен в своих отношениях к земному и небесному. В. Н. Турбин, спрашивая «базар или храм», отвечает – «и базар и храм» [3, с. 360–365]. Такую амбивалентную культурную личность представляет крестьянин (так он себя называет) и поэт В. Вьюнов. В нём всё уживается. Он может рассуждать о трёхрожковых вилах, об удобрении земли навозом, тяжёлом крестьянском труде и одновременно говорить о том, как рождаются стихи из воздуха, как приходит вдохновение, как «душа стесняется лирическим волнением». И уже современному читателю это понятно. Сменилась культурная картина бытия, а в ней – читатели, зрители, слушатели. Поэт В. Вьюнов пришёл в забайкальский мир вовремя и кстати, издав свой сборник «Вечерний свет». У него есть читатель.

Главным культурным знаком поэтической книжки В. Вьюнова является знак молчания. Это русский знак. В знаке молчания созидалась древняя русская культура. Иконопись, которая заменяла русскому миру философию, была названа Е. Трубецким «умозрение в красках» [2]. Через молчание икона передавала богословские глубины византийской мысли. Появление в XIV в. монахов-исихастов подчёркивает знак исихии – безмолвия в русской монашеской жизни. Середина XVI в. – пик русского молчания в культуре, потому что, как пишет Георгий Флоровский, в русской цивилизации наступил кризис византийской культуры, и русский мир замолчал в недоумении и в торжественном ожидании открытия нового русского культурного слоя [4, с. 24–29]. В XIX в. поэт Ф. Тютчев провозгласил безмолвие как знак словесной культуры, написав своё программное стихотворение «Silentium». А. Фет демонстрирует на весь русский мир акт сознательного безмолвия, он

уезжает в деревню Воробьёвку и, на первый взгляд для широкой культурной аудитории, занимается хозяйством, выведением лошадей, а на самом деле – пишет стихи в тишине, молчании деревенской жизни, вдали от шумных городов. Его «Вечерние огни» были взорвавшейся бомбой. Все уже забыли о нём как о поэте и вдруг – такая глубокая юношеская лирика! Советский XX век был молчанием для многих замечательных писателей, поэтов, деятелей культуры.

Silentium Вячеслава Вьюнова рождено хаосом 1990-х гг., затем оно вошло в привычку. Вьюнов редко приезжает в город, редко выходит на связь. Безмолвие внешнее отразилось в стихах. Поэт подтверждает молчание как знак русского бытия в стихотворении, посвящённом Михаилу Вишнякову, «Русский свиток». Жанр стихотворения – видение. Лирический герой видит в небесах развернувшиеся свитки жизни всех народов: *«И был один, отдельный с краю,/ Славянской вязью испещрён,/ Он был тяжёл и нечитаем,/ И, как лопоть, отрезан он./ Он в отдалении/ В даль пустую/ За остальными вслед летел,/ Горел,/ Алет/ И ни в какую/ Всем раскрываться не хотел»* [6, с. 100]. В стихотворении представлена русская картина мира в знаках безмолвия и слова, которое есть тайна, и раскрывается она не всем. Славянское слово в закрытой книге – это тоже знак молчания. В «безмолвие» закодированы у Вьюнова пейзажи, воды, воздух, туманы, небеса, звёзды, ночь, зима, взгляд человека: *«В рощах окончательно раздетых,/ Где угомонился листопад,/ Созданы из воздуха и света,/ Лёгкие строения стоят»* [6, с. 15]. Любимое время поэта – октябрь, он также равен молчанию. Молчат леса, тишина в воздухе. Прозрачность и светоносность мира становятся созвучны внутреннему молчанию души, в которой зарождается поэзия.

Из многочисленных водных стихий, бурлящих, кипящих весной и летом, поэту более всего мил и дорог образ осенней и зимней молчащей воды: *«Это спит и зимой отдыхает/ Утомлённая летом вода»* [6, с. 18]. Часто употребляемый в поэзии культурный знак огня, костра у Вьюнова также упоминается в знаке молчания: *«И все – к костру./ И все примолкли./ И, вытянув вперёд ладонь,/ Мужчины пристально и долго/ На молодой глядят огонь»* [6, с. 21]. Домашний очаг, костёр на поляне – всё это у Вьюнова представляется важной частью русской культурной жизни. Русская жизнь в поэзии Вьюнова движется во времени и пространстве

природного круга. Пробуждение и возбуждение природы весной и летом сопровождается бурной человеческой жизнью и деятельностью в природе или культурном потоке бытия, а засыпание, затихание природы осенью и зимой означает замедление человеческого труда и созерцание тишины, безмолвия в поэтическом мире Вячеслава Вьюнова. Весной и летом – крестьянский труд, осенью и зимой – стихи. Жизнь поэта вписана в круг бытия забайкальской природы: *«Весёлая нынче вода,/ Смеётся и днём, и ночью,/ Полощет она невода/ И вербы охотно полощет <...> И всё-таки ты наклонись/ Над зыбким своим отраженьем –/ Твоя там волнуется жизнь/ В каком-то другом продолженьи»* [6, с. 26]. В стихотворении «Признание» прочитывается совсем другая картина: *«Сквозь березняк уже раздетый,/ Лучи летают вкривь и вкось./ Люблю прозрачные предметы,/ Когда навьлет всё, насквозь,/ Могу смотреть в упор и долго,/ Чтоб не испугнуть, едва дыша,/ Как изнывает от восторга/ Предмета тонкая душа./ Люблю огонь, который жжётся./ Когда я вижу, то молчу,/ Ладони женские – на солнце,/ Иль – на горящую свечу»* [6, с. 158]. Подобными «молчаниями», «безмолвием», «тишиною» пронизана поэзия Вячеслава Вьюнова. Подолгу молчит тасейский затворник. Вдруг молчание прерывается, и тогда на свет появляются «ажурные» стихи, которые не могут возникнуть в суеде городов.

Что же касается другого мира В. Вьюнова, где он себя представляет рабочим, крестьянином, охотником, а также сыном, отцом, дедом, то в этом мире Вячеслав Александрович прерывает молчание и охотно рассказывает о трудных буднях в забайкальском селе, о прошлой жизни, с удовольствием вспоминает своих предков, радуется новой жизни в своём доме. Он готов встречаться с молодёжью, учить её поэтическому мастерству, потом долго, скрупулёзно читать и анализировать чужие стихи. Он готов записываться на радио и телевидении в литературных передачах и говорить по очереди то о душевном творческом волнении, поэтическом вдохновении при создании стихов, то о возделывании огорода, заготовке сена на зиму, столярной работе в тасейской мастерской, о предназначении сараев на приусадебном участке – и всё с одинаковой охотой, радостью и творческим порывом. Вячеслав Александрович раздаёт визитки, смастерённые им самим из простой бумаги, на которых он изображён рисовальщиком в рабочей рубашке и комбинезоне с ручкой перед раскрытой белой книгой. Он сам

создал читателю образ-символ новой эпохи: рабочий и поэт. В этом образе труженик-крестьянин и мастеровой видим, обозначен, он появляется среди людей, охотно общается, радуется жизни. Другой образ – поэта, тонко чувствующего лирика остаётся невидимым, закрытым, тайным для всех. Как рождаются стихи в этом крестьянине в рабочей спецовке, остаётся загадкой. В раскрытой книге с белыми страницами, которая лежит перед тасейским затворником, нет написанных букв. Поэт не хочет сообщать миру о рождении образов, метафор, звука. Он даже улыбается с визитной карандашной картинкой своему читателю, будто сообщая «мол-де, как это я тебя обманул». Для особо несведущих, чтобы не оставлять читателя в полном недоумении, Вячеслав Александрович мелким шрифтом в левом верхнем углу приписал: «Стихи. Проза. Критика». Даже в этом он маскируется под простачка-рабочего (крестьянина), балующегося литературой.

Философ ли Вячеслав Вьюнов? Русский поэт А. Фет был философом. Он окончил философский факультет Московского университета, перевёл для русского мыслящего человека труд А. Шопенгауэра и свою лирику считал философской. Лирика тасейского затворника также пронизана философскими раздумьями о смыслах Бытия, жизни человека, творческого существования поэта, роли России в мире среди других народов и государств. В его стихах – загадки мыслящего Космоса, поиски Смысла непонимающими самого Смысла.

Философия русской жизни в поэзии В. Вьюнова представлена знаком «возвращения». Опавшие листья возвратятся новыми листьями, улетевшие журавли бумерангом вернутся, уплывающие льдины возвратятся, чтобы снова уплывать, ушедшие предки вернутся своими отражениями в озёрах, реках. Лирический герой отражается в своих потомках, вода уходит льдом и возвращается водою, возвращается ночь, повторяется взгляд, *«Трава приходит оттуда,/ Куда ушли друзья»* [6, с. 24]. Есть у поэта метафоры возвращения памяти о любви. Любимая женщина возвращается в память оставленными на мягком асфальте следами от шпилек. Возвращается *«спасительная вера»*. Знак «возвращения» в поэтическом мире Вьюнова характеризует бесконечность череды рождения и смерти, времён года, дня и ночи, смысла и бессмыслицы, Красоты и безобразия, добра и зла.

Рассуждения о жизни и смерти у Вьюнова философичны. Жизненно-поэтическая

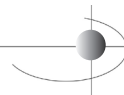
декларация поэта выражена в запечатлённой им картине: «Сегодня рыба не клюёт./ Костёр горит./ Дагба поёт» [6, с. 139]. Запечатлённая в стихах картина посвящена художнику Б. Череднику, который писал картины из социально-политической жизни советского государства и революционной истории. Например, в период господства марксистской идеологии популярной в Забайкалье стала мифологическая картина Чередника «Свидание княгини Волконской с мужем» из серии «Декабристы в Забайкалье». В. Вьюнов говорит своему современнику о других ценностях жизни и представляет иную картину Бытия. В трёх поэтических строчках поэта – три ценностных знака русской жизни: река, костёр и песня. «Синяя река» в «сиреневом дымке» – символ текучей жизни. Эпитет «синий» намекает на образ вечности Бытия. Горящий костёр символизирует домашний очаг, горение жизни, тепло человеческого общения. Песня рыбака передаёт ощущение счастья, радости жизни и душевного покоя. Рыбалка не удалась, и это хорошо – все живы остались: и люди, и рыбы. Теперь есть возможность в молчании посидеть у костра и послушать песни Дагбы. В песне – душа народа, его мысли и чувства. Ключевые слова из поэтического видения мира В. Вьюнова закрепляют в сердце читателя вечные ценности жизни. Река, костёр и песня вступают в полемику с идеологическими смыслами картин Б. Чередника – бунт, шахта, кандалы. Если советский забайкальский художник видит культурный мир Забайкалья через «майдан», то поэт Вьюнов – сквозь песню буряты у костра на берегу реки. Река, озеро, костёр, огонь, свеча, песня, стихотворение – сквозные образы в поэзии В. Вьюнова, символизирующие и характеризующие жизнь в Забайкалье, смыслы забайкальского бытия, чувства, настроения людей и медленное текучее сознание этой буферной зоны – земли между Востоком и Западом.

Философия смерти в культурном мире Вьюнова проявляется в его самоощущениях. Он одаривает бессмертием человека, природу, свет, звёзды. Лирик торжествует в блистающих ликах смерти, утверждая бессмертие. В его картине мира смерти нет, «*всё на свете пронизано жизнью*», и вода подо льдом не умирает, а «отдыхает», спит, утомлённая летом, «*на окошке багульник в стакане распускается, чтобы гореть*» [6, с. 18]. Поэт не разгадал тайну смерти, но окончательно познал: «*Смерти нет./ И нельзя умереть*» [6, с. 18]. Смерть в поэзии Вьюнова не зияет чёрной дырой, не дышит смрадом и страхом. Она

незаметна. Поэт сравнивает «Уход» с распадом в природе: «*На лучи распадается солнце./ Распадается путь на шаги./ Распадаются сосны на кольца./ В водоёмах – вода на круги./ Ничего не почувствуешь сразу./ Ничего не произойдёт./ Он почти незаметен для глаза –/ В неизвестную жизнь переход*» [6, с. 30]. Поэт преодолевает смерть, запечатлевая на лету полёт осеннего листа, белого снегопада, улетающих журавлей, тающий «сиреневый дымок», клубы дыхания на морозе, уходящий свет зари. В поэтическом мире нет смерти, нет прошлого и будущего – всё «Теперь», как утверждал А. Фет. Поэт В. Вьюнов останавливает «прекрасное мгновенье», запечатлевает его в слове и оставляет навсегда. Мечты, сны, мысли – вне времени.

В поэтической философии Вьюнова нет ворчащих старческих интонаций, нет юношеских грёз – всё «здесь и сейчас». Этим объясняется актуальность и молодость его «Вечернего света», опубликованного к 60-летию поэта. Проявление парадоксального двоемирия поэта совершенно замечательно и в подготовке этого сборника. Крестьянин-поэт трезво готовит сборник стихотворений к юбилейной дате. В то же время представленная подборка передаёт читателю смыслы метафизические и экзистенциальные по сути своей, оторванные от социально-политической и общественно-культурной жизни страны, региона, деревни Тасей; это стихи с врождённым вопросом души о вечном и бесконечном, о неиссякаемом Источнике жизни, Красоты, разлитой по всему мирозданию. Такого «космического лиризма» в забайкальской поэзии ещё не было. В «Вечернем свете» присутствует особое «вселенское чувство»: «*И сам себя не понимая/ И отвергая чудеса,/ Без мыслей,/ Просто созерцая,/ Смотрю подолгу в небеса*» [6, с. 36]. Время мятежных песнопений «лихих 90-х» никак не отразилось на культурной картине мира Вячеслава Вьюнова. Он надолго уходит в поэтическое молчание и вдруг неожиданно появляется тонким лириком «Вечернего света».

После мятежных времён и «громогласной» поэзии рождается «тихая лирика». Появляется другой культурный тип поэта. Культуролог А. С. Ахиезер замечал, что культура умирает вместе с воспетым ею идеалом тогда, когда заканчивается её творческий потенциал, происходит дегуманизация человеческих отношений, в которых распадается и культурная личность [1]. Наступает процесс «усталости» в культуре, который недолговечен. Культура начинает «собираться» и «вос-

производить» новую культурную личность. Так, в середине XIX в. появляется поэт «чистого искусства» Афанасий Фет. Для забайкальской культуры XXI в. такой культурной личностью становится Вячеслав Вьюнов, который заявляет, что принципиально не касается безобразных сторон жизни, политики, общественной смуты. Духовный потенциал такой культурной личности огромен, но он, как правило, остаётся её внутренним содержанием. На поверхность айсберга выдаётся малая часть продуманного, осмысленного и завершённого. Кому предназначены глубины высказывания? Кто потенциальный читатель поэзии «чистого искусства»? Ответ, сформулированный Фетом и его культурными последователями, поэтами Серебряного века, достаточно прост. Поэзия «чистого искусства» предназначалась только «своим», т. е. тем, кто способен понять и душевно откликнуться на философскую мысль, глубинную поэтическую метафору, эстетический изыск. Поэзию Вьюнова понимают не все. Для её понимания нужна философская и художественно-интеллектуальная подготовка, равная хотя бы самому автору.

За А. Фетом следовала культурная эпоха Серебряного века. Что последует за культурным миром В. Вьюнова? Какая новая культурная эпоха ждёт Забайкалье, Россию. Поэтов, подобных Вьюнову, в современной поэзии немало. Можно привести в пример сборник «Московский год поэзии», в котором представлено 156 поэтических имён, среди них многие на слуху – Виктор Куллэ, Юрий Кублановский, Любовь Красавина, Юрий Казарин и другие – все они «уходят» в область «чистого искусства» и комфортно сосуществуют в нём с окружающим реальным миром, иногда не замечая его, иногда бросая в него изысканной метафорой [7].

Хотелось бы отметить ещё одну сравнительную деталь парадокса культурного

двоемирия. В 1870 г. друзья Фета решили отметить его 50-летие. Юбилей не удался. Пришёл узкий круг любителей истинной Красоты. Вьюнов также отмечал недавно свой 60-летний юбилей. Думается, что поэт не особо расстроился, что в зале было не 5 тысяч, а 50 почитателей его таланта, среди них большинство – поэты. Задача такого культурного типа, закрытого от мира, ушедшего в общественное безмолвие – не вести за собою массы, не заниматься нравоучением, а сохранять духовный потенциал истинной поэзии, сохранять и удерживать накопленные эстетические формы, тонкий лирический вкус и философскую глубину мысли, т. е. всё то, что представляет ядро русской культуры, то, что удерживает культуру от распада.

Таким образом, культурное двоемирие забайкальского поэта Вячеслава Вьюнова является отражённым от культурного двоемирия русского поэта Афанасия Фета, с одной стороны, а, с другой стороны, оно охватывает и соединяет, казалось бы, несоединимое – работу на земле и сотворение поэзии, грубый труд в мастерской и создание невесомых лирических образов, заботу о хлебе насущном и уход в эстетическую созерцательность и глубину философской мысли, пассивность в общественно-политической мысли и удивительную гармонию поэтически мыслящего космоса, грубость материального человеческого мира и Красоту, разлитую в культурно-поэтическом мире тасейского затворника. В. Вьюнов в культурном двоемирии представляет тот парадоксальный переходный тип, в котором уже нет мятежных черт предыдущей культуры, но уже есть, сохраняются и передаются следующему поколению черты нового искусства, в котором ценностные смыслы культурных эпох накапливаются для следующего культурного витка, созидательного, доброго и прекрасного.

Список литературы

1. Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. 804 с.
2. Трубецкой Е. Н. Умозрение в красках. Этюды по русской иконописи. М.: Изд-во Моск. Патриархии, 2012. 52 с.
3. Турбин В. Н. И храм, и базар // В кн.: Фет А. А. Лирика. М.: Эксмо, 2013. 384 с. С. 360–365.
4. Флоровский Георгий протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937. Репринт. изд. Вильнюс: Вильтис, 1991. 599 с.
5. Curtius E. R. Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter. 11. Aufl. Tbingen u. Basel: Francke-Verlag, 1993. 718 p.

Источники

6. Вьюнов В. А. Вечерний свет: сб. стихов. Чита: Поиск, 2012. 176 с.
7. Московский год поэзии: сборник. М.: У Никитских ворот, 2014. 560 с.
8. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 18. М.: Худож. лит., 1984. 911 с.
9. Фет А. А. Лирика. М.: Эксмо, 2013. 384 с.

References

1. Akhiezer A. S. Rossiya: kritika istoricheskogo opyta (Sotsiokul'turnaya dinamika Rossii). T. 1. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1998. 804 s.
2. Trubetskoi E. N. Umozrenie v kraskakh. Etyudy po russkoi ikonopisi. M.: Izd-vo Mosk. Patriarkhii, 2012. 52 s.
3. Turbin V. N. I khram, i bazar // V kn.: Fet A. A. Lirika. M.: Eksmo, 2013. 384 s. S. 360–365.
4. Florovskii Georgii protoierei. Puti russkogo bogosloviya. Parizh, 1937. Reprint. izd. Vil'nyus: Vil'tis, 1991. 599 s.
5. Curtius E. R. Europische Literatur und Lateinisches Mittelalter. 11. Aufl. Ttbingen u. Basel: Francke-Verlag, 1993. 718 r.

Istochniki

6. V'yunov V. A. Vechernii svet: sb. stikhov. Chita: Poisk, 2012. 176 s.
7. Moskovskii god poezii: sbornik. M.: U Nikitskikh vorot, 2014. 560 s.
8. Tolstoi L. N. Sobranie sochinenii: v 22 t. T. 18. M.: Khudozh. lit., 1984. 911 s.
9. Fet A. A. Lirika. M.: Eksmo, 2013. 384 s.

Библиографическое описание статьи

Камедина Л. В. Культурное двоемирие забайкальского поэта Вячеслава Вьюнова // Гуманитарный вектор. Сер. Философия. Культурология. 2016. Т. 11, № 1. С. 98–104

Статья поступила в редакцию 04.02.2016